

САША МЕЛЬЦЕР

У СМЕРТИ ШЕСТЬ ПРИЧИН

Москва

2026

ПЛЕЙЛИСТ

pyrokinesis — «Моя великая вина»

pyrokinesis — «Зависимость»

pyrokinesis — «Клятвы»

pyrokinesis — «Кто же перерезал небу горло?»

pyrokinesis — «Ничего святого»

Иногда, чтобы найти убийцу,
нужно заглянуть в глаза тем,
кто остался в живых.

РАЗМИНКА

Кладбище Лёурентиус
Город Драммен

Хлесткие капли больно скребут по щекам, смешиваясь с солью, пока я сжимаю сырую землю, комкаю ее, но только размазываю по ладоням. Темные кудри липнут к векам, вымоченные дождем, я пытаюсь отбросить их мягким движением головы, но они остаются на месте. Недалеко от свежевырытой могилы стоит светлый деревянный гроб, уже закрытый, а вокруг толпятся люди в трауре. Я прячу взгляд от каждого, кто мельком на меня смотрит, тяжело дышу и сдерживаю рвущиеся всхлипы, от которых скоро треснут ребра. Бьерн стоит по другую сторону гроба, без земли, и в молчаливом неверии касается пальцами его крышки.

Священник уже ушел, вокруг только плачущие и скорбящие, и я — главный из них, втягивающий носом холодный зимний воздух вместе с удушающей печалью. Сознание ведет отсчет до того мига, когда гроб опустится в могилу, и я делаю несколько неосторожных шагов назад, чуть не шлепаясь в грязь, пока рабочие кладбища подходят с двух сторон и с натугой поднимают тяжелое дерево, чтобы переместить его ниже — в самую яму, где дождь уже оставил небольшие лужицы, не впитавшиеся

У СМЕРТИ ШЕСТЬ ПРИЧИН

в глину. Не вижу гроб, но наверняка из светлого он превращается в грязный, когда с глухим ударом касается земли. Я всхлипываю одномоментно с этим звуком, чтобы никто не слышал. Нора подходит к могиле первой, подцепляет горстку земли кожаными перчатками, будто не хочет испачкаться, и бросает ее. Земля падает, лепешками разбивается о светлую крышку. За ней — мужчина, он грузно и медленно присаживается на корточки, берет землю и бросает так же громко. Дождь не заглушает этих ударов, хотя беспощадно лупит по всему вокруг.

Гляжу на свои руки — грязные, в размазанной земле — и подцепляю новую горстку, перед тем как подойти к яме. Осторожно заглядываю внутрь, будто боясь, что сейчас крышка откроется и он выйдет оттуда — такой же, как при жизни, с каштановыми волосами, задиристой острой улыбкой и хитрым прищуром.

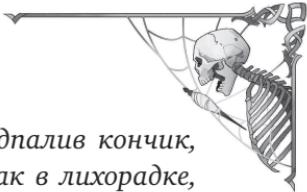
— Покойся с миром.

Сглатаиваю комок разочарования, заставляю себя оторвать взгляд от светлого дерева и все-таки бросить землю — ее удар об крышку прозвучал жестким приговором. Отшагиваю, поскользываюсь и почти падаю, но Бьерн ловит меня под мышки и оттаскивает от могилы.

— Покойся с миром, — говорят остальные, но я на них уже не смотрю. Пихаю грязные руки в карманы зимнего пальто, уже мокрого от непрекращающегося дождя. Бьерн помогает мне идти, у ворот кладбища ждет автобус, который отвезет нас обратно в академию. Не хочу туда возвращаться — смотреть на полки, некогда заставленные книгами целиком, на соседнюю незаправленную кровать с голым матрасом, на почти осиротевшую комнату, потерявшую жильца.

Дождь становится тише и тише, когда мы подходим к выходу с кладбища. Я останавливаюсь у небольшой протестантской церквишки, а Бьерн протягивает мне зажигалку и пачку сигарет, но по началу у меня

РАЗМИНКА

не получается высечь огонь. Кое-как подпалив кончик, я закуриваю и дрожу. Меня колотит, как в лихорадке, но я точно не болен — я дик, лишен рассудка, испуган, в душе искалечен, но настоящая болезнь не трогает меня. Я смотрю туда, где подходит к концу похоронная церемония, и мельком бросаю взгляд на ветвистые деревья, словно за ними кто-то стоит.

Тело обдает волной жара, когда даже издалека я вижу хитрый прищур и острую задиристую улыбку. Он смотрит на меня — ни на кого больше — и выглядит как живой, настоящий, только взгляд мертвый. Жар спадает, и его место занимает липкий паучий холод. Я роняю сигарету, она моментально тухнет в серой слякоти.

— Юстас, — бормочу, закрываю глаза, но, когда распахиваю их вновь, его уже нет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛЕДЫ В ПУСТОМ ЗАЛЕ

Ты выигрыз себе место в команде, а теперь они смотрят на тебя и думают: «Что он готов был ради этого сделать?»

Удары мяча эхом отлетают от пола — упругие, сильные, звонкие. В зале непривычно много народа — столько набирается разве что во время соревнований, но до них еще далеко. Команде нужна свежая кровь — так сказал тренер, решительно объявивший просмотры в ряды «Наттенс Спилль»¹ на прошлой неделе. Юстас восседает задницей на тренерском столе, теребит в руках металлический, сверкающий в искусственном свете свисток и изредка поглядывает на тех, кто собрался в зале. Команда сидит неподалеку, на лавках, но больше увлечена чем-то своим, нежели просмотрами, и Юстасу кажется, что только ему интересны новые игроки. Он одним движением убирает темные волосы с глаз, спрыгивает со стола и подхватывает мяч. Точным ударом от сильной подачи бьет в спину одному из потенциальных игроков.

— Свободен, — бросает сухо, пока тот вскрикивает и потирает ушибленное место. Уходит, и остальные притихают, выстраиваются перед капитаном в ровную шеренгу. Юстас чувствует, как за его спиной напрягается остальная команда. Двигается лавка, наверняка Вильгельм встает, уже готовый предупредительно положить руку капитану на плечо. Юстасу без разницы, кого бить, — лишь бы мяч сделал побольнее. Свистящую тишину в зале прерывает

¹ Nattens Spill (норв. «Игра ночи») — название волейбольной команды.

У СМЕРТИ ШЕСТЬ ПРИЧИН

тренер: он распахивает дверь и окидывает собравшихся взглядом.

— О, вы уже начали, — весело говорит Эдегар, проходя мимо подопечных и потрепав Вильгельма по кудрявым волосам. — Что тут?

Он забирает у Юстаса свисток, и тот невольно отходит в тень. Те, кто пришел попробовать свои силы, снова подхватывают мячи. Эдегар смотрит на каждого из них, по очереди просит выполнить несколько несложных упражнений: для «Нáттенс Спилль» это детские забавы во дворе с мячом, но и с этим справляются не все.

— Кажется, Сатре — лучший вариант, — решительно говорит Эдегар, взяв мяч у черноволосого парня с большими, на пол-лица губами. — Добро пожаловать в команду.

— Он ненормальный, — возражает Юстас, пряча злую ухмылку. — Мы не хотим видеть его в команде.

Сатре теряется. Он тупит взгляд, нервно сжимает мяч, а потом, выпустив его из рук, начинает заламывать пальцы. Очевидно для всех бледнеет, потом краснеет, смущаясь.

— Дайте шанс, — лепечет он, хотя с таким лепетом в команде голодных шакалов делать нечего. — Могу пока сидеть на лавке запасным, учиться...

Юстас хмыкает презрительно — эту усмешку ненавидят все, от тренера до команды, но почему-то все молчат. Молчат, когда Сатре, униженный, уходит и расстроенно пинает мяч. Молчат, когда тренер объявляет просмотры оконченными, потому что достойных больше нет. Молчат, когда Юстас улыбается и поворачивается к команде.

— Это его пятая попытка, — Вильгельм качает головой, — мы правда могли бы дать ему шанс.

— Хоть солая. — В Юстасе ни грамма сочувствия. — Слабаки в команде мне не нужны.

СЕТ ПЕРВЫЙ

В раздевалке сырое и пахнет старой спортивной формой. Бьерн распахивает окно, чтобы проветрить, и слабые порывы тут же обласкивают голую кожу рук, вызывая мурашки. Я ежусь от холода и натягиваю на плечи олимпийку, желая укрыться от промозглости января. Шкафчик рядом со мной пустует, жалостливо поскрипывает дверцей, словно кто-то невидимый открывает и закрывает ее. Меня это раздражает, я нервно вскиваю и захлопываю ее.

— Остынь, — просит Бьерн, потирая бритую макушку и кладя руку мне на плечо. Между всеми нами будто висит ниточка траура: мы молчим, хотя обычно в раздевалке не стихает гвалт. Я снова сажусь на скамейку и утыкаюсь лицом в ладони, понимая, что и правда зря вскипел — просто пустующий шкафчик остро напоминает о потере, о которой нет известий больше недели. Потираю влажные ресницы пальцами, чуть надавливая на глазные яблоки, в надежде унять подступающую к горлу неконтролируемую истерику.

— Соревнования скоро, — многозначительно говорит Мадлен. — Даже без Юстаса нам нельзя просрать.

Мне не до соревнований, поэтому я смотрю на Мадлена вскользь, словно мимо него. Юстас пропал почти

У СМЕРТИ ШЕСТЬ ПРИЧИН

неделю назад, и мы до сих пор не знаем, что с ним, — никто ничего не говорит, никто не афиширует это событие. Разве что я встречался с его матерью несколько дней назад, и она, убитая горем статная дама в черном пальто, наверняка не согревающим норвежской зимой, сказала, что наймет детектива и привлечет полицию.

В раздевалке, кроме меня, никого больше будто и не заботит исчезновение Юстаса. Бьерн лениво потягивается и вдыхает свежий воздух из приоткрытого окна, Мадлен листает видео в социальных сетях, Фьер расслабленно лежит на скамейке, а добрый Сандре, всегда улыбчивый Сандре — садится рядом со мной.

— Юстас найдется, — успокаивает он, глядя меня по плечу. — Вильгельм, вот увидишь. Ты же знаешь его характер. Он мог просто сорваться и уехать, этому дураку...

— ...правила не писаны. — Я невесело усмехаюсь, приваливаясь спиной к шкафчику. Юстас и правда был таким — сумасбродным и решительным, готовым нарушить все запреты и условности. Но он никогда раньше не бросал команду посреди чемпионата. — А если не вернется?

— Куда денется. — Сандре улыбается, и на его щеках появляются ямочки. — Вилли, расслабься. Давай просто отвлечемся на тренировке. Знаю, вы с ним всегда вместе, но...

— Я постараюсь, — говорю на выдохе и поворачиваю голову к двери раздевалки в тот момент, когда она с легким щелчком открывается.

На пороге стоит Эдвард Эдегар, наш тренер, а за ним — мальчишка с просмотров, униженный и оскорбленный Сатре. Свожу брови к переносице, немного хмурюсь. Окно распахивается сильнее от сквозняка, и вот улица дышит на нас холдом и снегом. Бьерн второпях захлопывает раму, покрепче прижимает ее и поворачивает ручку. Мы все смотрим на тренера,